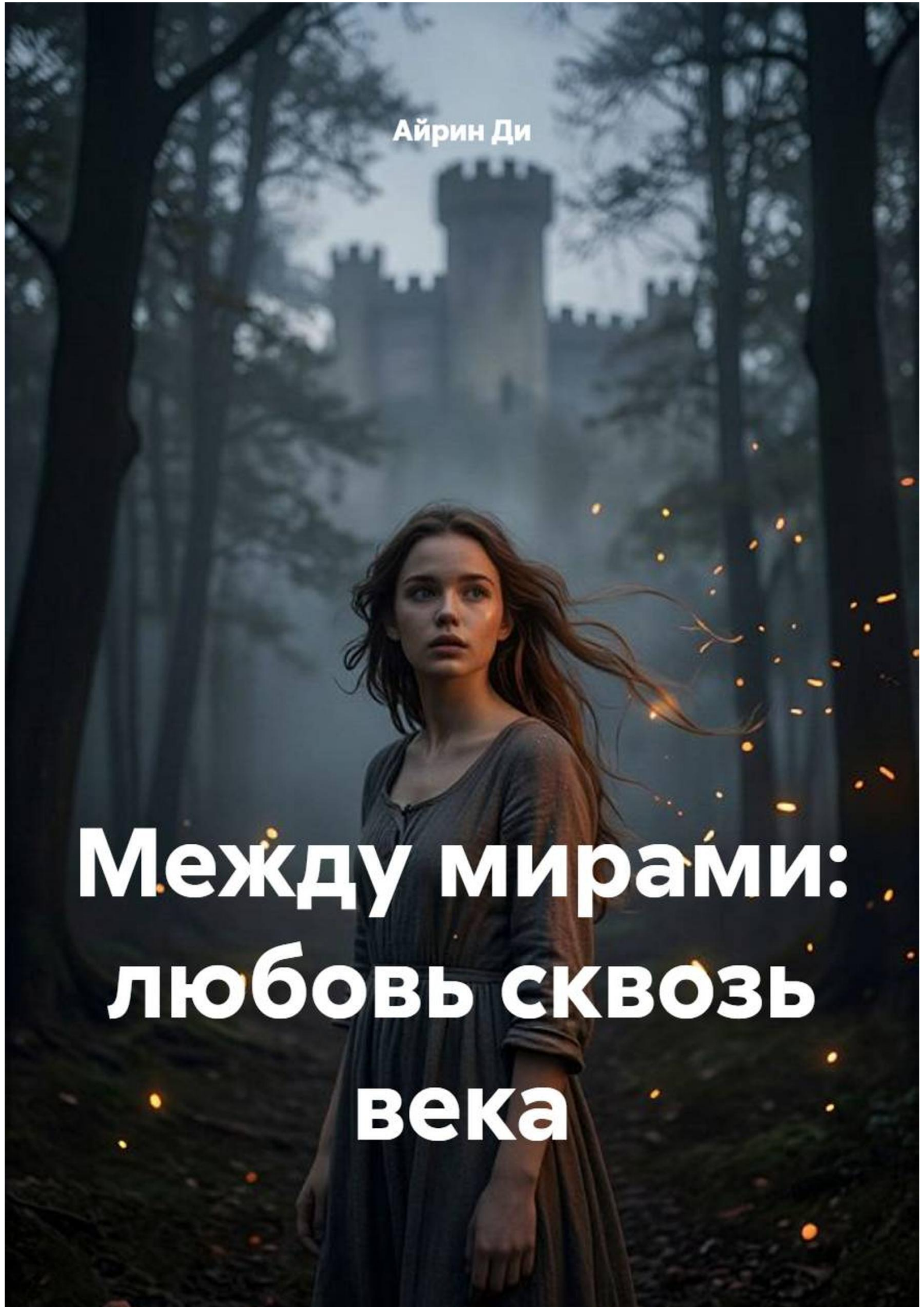

Айрин Ди

**Между мирами:
любовь сквозь
века**

Айрин Ди

**Между мирами:
любовь сквозь века**

«Автор»

2026

Ди А.

Между мирами: любовь сквозь века / А. Ди — «Автор», 2026

Что, если привычный мир — лишь тонкая грань, за которой скрывается иная реальность, где время течёт по своим законам, а чувства обретают вековую глубину? Кристина жила обычной жизнью, пока случай не приоткрыл дверь в мир, где древние тайны сплетаются с искренними эмоциями, а одно мгновение может изменить судьбу навсегда. Там она встретила Микаэля — человека, в чьих глазах отражается память столетий. Между ними вспыхивает чувство, способное преодолеть любые преграды или разрушить и

© Ди А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Салон и бесплатный макияж	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Айрин Ди

Между мирами: любовь сквозь века

Глава 1. Обычная среда: Кристина и её тихий мир

Утро началось с того, что будильник не прозвенел, а захрипел, как простуженный кот. Кристина открыла глаза, потянулась и тут же наткнулась взглядом на Барсика — тот сидел на подушке напротив, смотрел строго и будто бы осуждающе.

— Ты опять не поставила будильник? — беззвучно спросил Барсик.

Кристина хмыкнула, села, потёрла лицо и сказала вслух, чтобы не чувствовать себя совсем уж сумасшедшей:

— Я его ставила. Он просто решил, что сегодня можно не работать.

Барсик фыркнул, спрыгнул с подушки и пошёл к миске, всем своим видом показывая, что у него рабочий день начался ровно в семь и он не намерен его откладывать.

На кухне пахло вчерашним кофе, который никто не вылил. Кристина вздохнула, открыла холодильник, посмотрела на одинокий йогурт и подумала: «Если я его съем, это будет завтрак. Если не съем — всё равно завтрак, потому что выбора нет». В итоге съела. Барсик наблюдал, как будто оценивал её жизненные решения.

— Ну что, — сказала Кристина, — сегодня будет хороший день.

Барсик посмотрел на неё так, будто хотел ответить: «Хороший день — это когда дают колбасу. А не йогурт».

Она надела свой стандартный «офисный» наряд: тёмно-синюю юбку, белую блузку и пиджак, который был чуть великоват, но зато скрывал любые неровности настроения. Перед зеркалом Кристина критически осмотрела себя: русые волосы собраны в аккуратный хвост, серые глаза смотрят немного устало, но не безнадежно.

— Нормально, — сказала она отражению. — Достаточно нормально.

Барсик, уже доевший свой завтрак, проводил её до двери.

— Веди себя прилично, — строго сказала Кристина. — Не грызи провода. И не ложись на клавиатуру.

Барсик мяукнул, будто обещал, но Кристина знала: это ничего не значит.

Офис компании «ЧистоМир», где Кристина работала секретарём, располагался в сером здании с фасадом, который будто бы стыдился самого себя. На входе охранник дядя Миша махнул ей рукой:

— Привет, Кристина! Опять опаздываешь?

— Не опаздываю, а задерживаюсь по уважительной причине.

— Ага, — кивнул дядя Миша. — Кот не пускал?

— Почти. Он смотрел на меня так, будто я предаю идеалы кошачьего уюта.

В приёмной пахло бумагой, кофе и лёгкой обречённостью. На столе лежала стопка документов, сверху — записка от директора: «Срочно! Подпиши у юриста и принеси мне до обеда». Кристина вздохнула и пошла к юристу.

По дороге её перехватила Марина из бухгалтерии, вся в панике:

— Кристина, ты не видела отчёт за третий квартал? Он был у меня на столе, а теперь его нет!

— Может, он сам ушёл, потому что его слишком часто просили переделать? — пошутила Кристина.

Марина не улыбнулась:

— Это не смешно. Директор требует его к двенадцати.

— Ладно, — сказала Кристина, — давай искать. Где ты его видела в последний раз?

— На столе.

— А потом?

— Потом... я пошла за кофе.

— Значит, он обиделся и спрятался.

Они вместе перерыли все папки, заглянули даже в принтер (откуда-то все были уверены, что отчёты любят там прятаться), и наконец нашли его под стопкой старых прайс-листов. Марина выдохнула:

— Спасибо, ты меня спасла.

— Не меня благодари, а принтер. Он явно что-то знает.

День катился по накатанной: звонки, письма, просьбы «срочно, но не срочно», просьбы «не срочно, но срочно», просьбы «просто посмотри, ты же всё равно сидишь». Кристина кивала, улыбалась, печатала, копировала, сканировала и старалась не думать о том, что её жизнь похожа на бесконечный список дел, где пункт «быть счастливой» всегда стоит в конце и никогда не выполняется.

К обеду Кристина чувствовала себя так, будто её пропустили через шредер и собрали обратно, но не совсем правильно. Она достала из сумки бутерброд с сыром, села на скамейку во дворе и подумала, что неплохо бы сделать что-то для себя. Не для директора, не для бухгалтерии, не для кота (хотя коту тоже хотелось чего-то хорошего), а именно для себя.

Телефон завибрировал. Кристина посмотрела на экран — это был Андрей. Женатый любовник. Человек, с которым у них было всё, кроме будущего.

— Привет, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

— Привет. Ты как?

— Нормально. Работаю.

— Слушай, сегодня не получится встретиться.

— Ничего страшного, — ответила Кристина, хотя внутри что-то неприятно сжалось.

— Прости. Дела.

— Да всё в порядке.

— Правда?

— Правда.

— Ты всегда такая... понимающая.

— Приходится, — улыбнулась она, но улыбка вышла кривой. — Иначе бы я давно всё это бросила.

— Не бросай, — тихо сказал он. — Мне важно, что ты есть.

— Тогда постарайся хотя бы иногда быть, — мягко сказала Кристина и повесила трубку.

Она посидела минуту, глядя на телефон, потом положила его в сумку и глубоко вздохнула. «Всё нормально, — сказала она себе. — Всё нормально. Просто день такой».

Директор, Игорь Петрович, был человеком, который умел делать три вещи: хмуриться, стучать ручкой по столу и говорить «срочно» так, что у всех в радиусе десяти метров начинали трястись руки.

— Кристина, — сказал он, глядя поверх очков, — мне нужен этот отчёт. Срочно.

— Он уже у юриста, — спокойно ответила Кристина. — Подпишет и сразу к вам.

— Срочно — это значит сейчас.

— Сейчас — это значит, что юрист должен бросить все дела и подписать его без проверки.

Игорь Петрович нахмурился ещё сильнее:

— Ты мне сейчас условия ставишь?

— Нет, — улыбнулась Кристина. — Я ставлю реальность.

Он вздохнул, откинулся на спинку кресла и пробормотал:

— Почему все так сложно?

— Потому что мир не хочет подстраиваться под дедлайны, — мягко сказала Кристина. — Но я всё сделаю. Обещаю.

Он снова вздохнул, но уже не так сердито:

— Хорошо. Только... побыстрее, ладно?

— Постараюсь.

Выходя из кабинета, Кристина подумала, что это, наверное, и есть её суперсила — не спорить, не злиться, а просто делать так, чтобы всё работало. Даже если мир не хочет.

Когда рабочий день наконец закончился, Кристина вышла на улицу и вдохнула прохладный воздух. Город шумел, гудел, торопился куда-то, а ей хотелось просто идти и не думать ни о чём. По дороге она зашла в маленький магазинчик, купила пачку любимого чая, банку кошачьего корма (Барсик был привередлив) и шоколадку — «для морального восстановления».

Дома её встретил Барсик: он сидел у двери, как часовой, и мяукнул так громко, будто она отсутствовала не восемь часов, а восемь лет.

— Знаю, знаю, — сказала Кристина, снимая туфли. — Ты страдал. Ты боролся с одиночеством. Ты победил.

Барсик довольно замурчал и пошёл на кухню, показывая, что награды ждут впереди.

Пока она наливала себе чай, в дверь позвонили. Это был Андрей. Он стоял на пороге, немного виноватый, но решительный:

— Я подумал... может, всё-таки сегодня? Если ты не против.

Кристина на секунду замерла. С одной стороны, она устала. С другой — вечер обещал быть пустым, а пустота иногда пугала больше усталости.

— Заходи, — сказала она. — Чай будешь?

— Буду, — улыбнулся он. — И всё остальное тоже.

Вечер прошёл как обычно: они пили чай, говорили о пустяках, смеялись над старыми шутками, которые уже не были смешными, но всё равно вызывали улыбку. Потом перешли в комнату, и Кристина на минуту забыла обо всём: о работе, о директоре, о том, что завтра снова вставать по будильнику, который хрипит, как простуженный кот.

Позже, когда Андрей одевался, чтобы уйти, Кристина стояла у окна и смотрела на город, который медленно зажигал огни.

— Извини, — сказал Андрей, застёгивая рубашку. — Сегодня точно никак. Завтра тоже... но потом обязательно.

— Всё в порядке, — сказала Кристина. — Правда.

Он подошёл, поцеловал её в висок и прошептал:

— Ты самая лучшая.

Дверь закрылась, и в квартире стало тихо. Слишком тихо. Барсик подошёл, ткнулся носом в ладонь, будто хотел сказать: «Ну вот. Теперь мы снова вдвоём».

Кристина села на диван, обняла подушку и закрыла глаза. Мысли кружились, как осенние листья на ветру: «Почему я соглашаюсь на это? Почему мне хватает крох? Почему я не требую большего?» Но потом она вспомнила, как Андрей улыбался, когда рассказывал про своего сына, как смеялся над её шутками, как держал её за руку, будто она была для него чем-то важным. И поняла: ей хватало этих крох, потому что они были настоящими. Или она хотела, чтобы они были настоящими.

«Завтра будет новый день, — подумала Кристина. — Новый отчёт, новый скандал, новый бутерброд с сыром. И Барсик, который будет смотреть на меня с упрёком, если я забуду налить ему молоко».

Она легла в кровать, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза. Барсик устроился рядом, громко замурчал, и этот звук был самым уютным в мире.

«Всё нормально, — подумала Кристина, проваливаясь в сон. — Всё нормально».

Но где-то на краю сознания мелькнула мысль: «А что, если однажды всё будет не нормально? Что, если однажды мир перевернётся, и я окажусь в месте, где никто не знает, кто я, и никто не ждёт моего отчёта к двенадцати?»

Эта мысль не пугала. Она была похожа на тихий шёпот ветра за окном: едва слышный, но настойчивый.

И Кристина уснула, не зная, что этот шёпот — предвестник перемен.

Глава 2. Салон и бесплатный макияж

Кристина проснулась от того, что будильник не прозвенел, а захрипел, как простуженный кот. Она приоткрыла один глаз, потом второй, и тут же наткнулась взглядом на Барсика: он сидел на подушке напротив, смотрел строго и будто бы осуждающе.

— Ты опять не поставила будильник? — беззвучно спросил Барсик.

Кристина хмыкнула, села, потёрла лицо и сказала вслух, чтобы не чувствовать себя совсем уж сумасшедшей:

— Я его ставила. Он просто решил, что сегодня можно не работать.

Барсик фыркнул, прыгнул с подушки и пошёл к миске, всем своим видом показывая, что у него рабочий день начался ровно в семь и он не намерен его откладывать.

Квартира у Кристины была маленькая, но уютная — как будто её специально собирали из вещей, которые умеют хранить тепло. На полке у окна стояли три керамические чашки, каждая со своей историей: одна — подарок мамы, другая — из поездки в Питер, третья — просто понравилась в магазине, и Кристина купила её, потому что у неё был смешной скол на ручке. На холодильнике висели магниты: котик с надписью «Мяу», фото Барсика в младенчестве и билет на концерт, который она так и не посетила, но выбросить не смогла.

На кухне пахло вчерашним кофе, который никто не вылил. Кристина вздохнула, открыла холодильник, посмотрела на одинокий йогурт и подумала: «Если я его съем, это будет завтрак. Если не съем — всё равно завтрак, потому что выбора нет». В итоге съела. Барсик наблюдал, как будто оценивал её жизненные решения.

— Ну что, — сказала Кристина, — сегодня будет хороший день.

Барсик посмотрел на неё так, будто хотел ответить: «Хороший день — это когда дают колбасу. А не йогурт».

Она надела свой стандартный «офисный» наряд: тёмно-синюю юбку, белую блузку и пиджак, который был чуть великоват, но зато скрывал любые неровности настроения. Перед зеркалом Кристина критически осмотрела себя: русые волосы собраны в аккуратный хвост, серые глаза смотрят немного устало, но не безнадежно.

— Нормально, — сказала она отражению. — Достаточно нормально.

Барсик, уже доевший свой завтрак, проводил её до двери.

— Веди себя прилично, — строго сказала Кристина. — Не грызи провода. И не ложись на клавиатуру.

Барсик мяукнул, будто обещал, но Кристина знала: это ничего не значит.

Офис компании «ЧистоМир», где Кристина работала секретарём, располагался в сером здании с фасадом, который будто бы стыдился самого себя. На входе охранник дядя Миша махнул ей рукой:

— Привет, Кристина! Опять опаздываешь?

— Не опаздываю, а задерживаюсь по уважительной причине, — привычно ответила Кристина.

— Ага, — кивнул дядя Миша. — Кот не пускал?

— Почти. Он лёг поперёк двери и смотрел так, будто я собираюсь продать квартиру и уехать в тайгу.

Дядя Миша хмыкнул:

— Коты знают толк в драме.

В приёмной пахло бумагой, кофе и лёгкой обречённостью. На столе лежала стопка документов, сверху — записка от директора: «Срочно! Подпиши у юриста и принеси мне до обеда». Кристина вздохнула и пошла к юристу.

По дороге её перехватила Марина из бухгалтерии, вся в панике:

— Кристина, ты не видела папку с актами? Я её только что держала в руках, а теперь её нет!

— А ты в принтере смотрела? — осторожно спросила Кристина.

Марина на секунду задумалась, потом решительно подошла к принтеру и заглянула внутрь, будто ожидала увидеть там не застрявшую бумагу, а папку.

— Ну вот, — сказала она, доставая папку из-под лотка. — Опять он её прятал.

— Принтер явно считает себя хранителем тайн, — улыбнулась Кристина. — И, кажется, он не любит, когда документы подписывают слишком быстро.

День катился по накатанной: звонки, письма, просьбы «срочно, но не срочно», просьбы «не срочно, но срочно», просьбы «просто посмотри, ты же всё равно сидишь». Кристина кивала, улыбалась, печатала, копировала, сканировала и старалась не думать о том, что её жизнь похожа на бесконечный список дел, где пункт «быть счастливой» всегда стоит в конце и никогда не выполняется.

К обеду Кристина чувствовала себя так, будто её пропустили через шредер и собрали обратно, но не совсем правильно. Она вышла во двор, села на скамейку, достала бутерброд с сыром и подумала: «А что, если сегодня сделать что-то просто для себя? Не для директора, не для бухгалтерии, не для кота (хотя коту тоже хотелось чего-то хорошего), а именно для себя».

Лена, её подруга и коллега из соседнего отдела, села рядом:

— Ты с собой разговариваешь?

— С собой и с миром, — призналась Кристина. — Мир пока молчит.

Лена усмехнулась:

— Мир всегда молчит. Зато салоны красоты — нет. Слушай, тут в соседнем здании открылся новый салон — «Лунный свет». У них сейчас акция: бесплатный пробный макияж. Вот, держи флаер.

Она протянула Кристине яркую бумажку: на ней была изображена девушка с загадочной улыбкой и надписью: «Раскрой свою лунную сторону!»

Кристина покрутила флаер в пальцах:

— «Лунная сторона»? Звучит так, будто мне предложат стать оборотнем.

— Или просто покрасят так, что ты сама себя не узнаешь, — рассмеялась Лена. — Но в хорошем смысле. Иногда полезно сделать что-то просто потому, что можешь. Ну, знаешь, как кот, который залезает в коробку, хотя у него есть удобная кровать.

Кристина вспомнила, как Барсик действительно залезал в коробки и выглядел при этом абсолютно счастливым.

— Ладно, — сказала она. — Давай сходим. Только пообещай, что меня не будут красить в фиолетовый цвет.

— Обещаю, — торжественно сказала Лена. — Ну, по крайней мере, я постараюсь.

Они договорились встретиться после работы. Кристина вернулась в офис, доделала ещё пару писем, подписала ещё три документа, выслушала ещё одну срочную просьбу, которая оказалась не такой уж срочной, и наконец смогла уйти.

Когда она вышла из здания, город уже был не таким шумным, как днём, но всё ещё гудел, будто не хотел сдаваться темноте. Кристина шла по тротуару, смотрела на витрины, на людей, на собак, на кошек, которые сидели на подоконниках и смотрели на неё с таким видом, будто знали что-то, чего не знала она.

Салон «Лунный свет» находился в соседнем здании, и, когда они вошли, Кристина поняла, что название было выбрано не просто так. Всё вокруг было в оттенках фиолетового: стены были окрашены в мягкий лавандовый оттенок, кресла — в глубокий пурпурный, а полотенца и накидки — в нежный сиреневый. На полках стояли баночки и флаконы с косметикой, каждый из которых выглядел как маленький артефакт.

Воздух был наполнен сладковатым, чуть пряным ароматом — смесью ванили, жасмина и чего-то ещё, что Кристина не могла определить. Ей казалось, что этот запах должен принадлежать какому-то волшебному месту, где исполняются желания. Или, по крайней мере, где тебе обещают, что они исполнятся.

Администраторша за стойкой улыбнулась так широко, что Кристина невольно улыбнулась в ответ:

— Здравствуйте! Вы по флаеру от Лены?

— Да, — кивнула Кристина, чувствуя себя немного глупо. — Но я не уверена, что мне это нужно.

— Всем нужно, — уверенно сказала администраторша. — Просто не все об этом знают. Сейчас я вас провожу к Алисе — она у нас новенькая, но уже все в восторге.

Алису Кристина заметила сразу. Девушка сидела у зеркала, раскладывала кисточки и выглядела так, будто только что сошла с обложки модного журнала. Кожа у неё была очень бледной, почти прозрачной, а глаза — тёмными и глубокими, как два колодца. Длинные тонкие пальцы ловко перебирали баночки и тюбики.

— Меня зовут Алиса, — сказала девушка, поднимая взгляд. — Сегодня я сделаю вам макияж, который точно изменит жизнь.

Кристина хотела пошутить, что её жизнь уже достаточно изменилась, когда она согласилась сюда прийти, но что-то в голосе Алисы заставило её промолчать.

— Просто лёгкий макияж, ладно? — попросила она. — Без драм.

— Конечно, — улыбнулась Алиса. — Лёгкий. Но особенный.

Кристина села в кресло, которое оказалось неожиданно удобным. Алиса накинула на неё накидку, и Кристина почувствовала себя как в кино: вот сейчас начнётся преображение, и она выйдет отсюда другим человеком. Хотя, честно говоря, ей хотелось остаться всё той же Кристиной — просто чуть более уверенной в себе.

Алиса начала наносить косметику, и Кристина вдруг почувствовала, как напряжение дня потихоньку уходит. Движения Алисы были плавными, почти гипнотическими. Кристина закрыла глаза, чтобы не мешать, и подумала о Барсике. Интересно, что бы он сказал, если бы увидел её сейчас? Наверное, что-то вроде: «Опять эти человеческие ритуалы. Лучше бы дали колбасу».

Смех застрял где-то в горле, и Кристина поняла, что ей хочется плакать. Не от грусти, а от усталости, от ощущения, что она делает всё правильно, но почему-то ничего не меняется.

Алиса тихо сказала:

— Расслабьтесь. Всё будет хорошо.

И Кристина расслабилась. Время будто замедлилось. Голос Алисы звучал откуда-то изда-лека, а потом и вовсе пропал.

Перед глазами мелькнули обрывки мыслей: Барсик на подушке, стопка документов на столе, бутерброд с сыром, фиолетовый интерьер салона... И вдруг всё исчезло.

Кристина почувствовала, как её веки дрогнули, и медленно открыла глаза.

Первое, что ударило по чувствам Кристины, — запах. Он был густой, тяжёлый, будто мир сложил в одну чашу всё, что ей не хотелось бы нюхать: дым, прогорклый жир, лошадиный пот, сырую землю и что-то кислое, похожее на гниющие овощи. Она моргнула, и картинка перед глазами не исчезла, как надеялась, а наоборот — стала резче, будто кто-то повернул фокус.

Она стояла не в фиолетовом салоне, а на узкой улочке, зажатой между покосившимися домами из тёмного дерева и бурого камня. Доски на фасадах потемнели от времени, кое-где висели лоскуты ткани, словно заплатки на старой одежде. Крыши были покрыты дранкой, местами прогнившей, местами проломленной. Над крышами висел плотный сизый дым — он стелился низко, смешивался с пылью и делал воздух почти осязаемым.

Цвета вокруг были приглушёнными, будто выцветшими от бесконечного дождя: серый камень, буро-коричневое дерево, грязно-жёлтая солома, торчащая из щелей. И среди этой серости — яркие пятна: красная рубаха мальчишки, который промчался мимо, не глядя на неё; лоскут синей ткани на верёвке; тёмно-зелёный плащ старика, замершего в дверном проёме и уставившегося на Кристину так, будто она вылезла из колодца посреди площади.

Кристина опустила взгляд на себя. На ней всё ещё была её офисная одежда — тёмно-синяя юбка, белая блузка, пиджак. Всё это выглядело здесь нелепо, как костюм для маскарада, который забыли снять после праздника. Туфли на низком каблуке казались слишком новыми и аккуратными для этой улицы, покрытой грязью и конским навозом. Лак на ногтях облупился — эта маленькая деталь вдруг показалась ей самой настоящей, самой родной.

— Простите, — голос Кристины прозвучал хрипло, будто она долго молчала. — Где я? Что это за место?

Старик в проёме только плотнее закутался в плащ и, не отрывая взгляда, медленно попятился, пока не исчез в темноте дверного проёма. Кристина почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Эй! — она шагнула вперёд, к женщине в грубом полотняном платье, которая тащила корзину с овощами. — Скажите, пожалуйста, где я?

Женщина вскинула голову, увидела Кристину — и вдруг выронила корзину. Морковь и репа покатались по грязной мостовой. Женщина не стала их собирать. Она попятилась, бормоча что-то неразборчивое, и, развернувшись, бросилась прочь, прижимая руки к груди, будто хотела удержать сердце, которое готово было выскочить.

— Да что же такое! — Кристина почти крикнула, и тут поняла, что на неё смотрят. Из-за углов, из окон, из приоткрытых дверей — десятки глаз. Кто-то шептал, кто-то крестился, кто-то просто застыл, разинув рот.

Кристина подняла руки, будто сдаваясь:

— Я не причиню вреда! Я просто... я не знаю, как сюда попала!

Но её слова не успокаивали. Наоборот, они будто подливали масла в огонь. Люди отступали, шептали, крестились. Кристина вдруг поняла, что выглядит для них чужой не только из-за одежды. Её причёска — аккуратный хвост — казалась здесь неестественно гладкой. Её макияж, нанесённый Алисой, выглядел странно: не кричащим, а именно чуждым, будто нарисованным не человеческой рукой, а кистью художника, который видел мир иначе. Тени на веках отливали не бронзой, а чем-то холодным, почти металлическим; губы были чуть ярче, чем нужно для этого серого города.

«Это всё макияж, — мелькнула паническая мысль. — Они думают, что я... что я...»

Додумать она не успела. Из боковой улочки, пошатываясь, вышел мужчина. Он был одет в засаленную рубаху и потрёпанные штаны, в руке держал глиняную кружку, из которой пахло крепким перебродившим пивом. Его лицо покраснелось, глаза были мутными. Он уставился на Кристину, и на его лице расплылась ухмылка.

— Ого, — протянул он, облизывая губы. — А это кто тут у нас? Красавица из другого мира?

Он шагнул к ней, покачиваясь, и Кристина отступила, чувствуя, как внутри всё сжимается от отвращения и страха.

— Не подходите, — сказала она твёрдо, но голос дрогнул.

— А чего ты боишься? — пьяно усмехнулся мужчина. — Я тебя не обижу. Ну, разве что чуть-чуть...

Он протянул руку, пытаясь схватить её за рукав. Кристина резко увернулась, её каблук скользнул по мокрой глине, и она едва не упала.

— Уйдите! — крикнула она, и в этом крике было столько отчаяния, что даже пьяный на секунду замер.

Но только на секунду. Он снова шагнул вперёд, и Кристина, действуя скорее инстинктивно, чем осознанно, резко выбросила руку и толкнула его в грудь. Мужчина пошатнулся, выронил кружку, и та разбилась с резким звуком, который прозвучал в тишине улицы как выстрел.

— Ведьма! — взвыл он, отступая и тыча в неё пальцем. — Она меня толкнула, будто ветром сдуло! Ведьма!

Слово повисло в воздухе, тяжёлое и липкое, и тут же подхватилось десятками голосов.

— Ведьма!

— Видали, как она двигается? Не по-нашему!

— Надо звать стражу!

Кристина попятилась, но сзади уже смыкалось кольцо людей. Кто-то швырнул в её сторуку комок грязи — он упал у ног, оставив тёмное пятно на светлой ткани юбки. Кристина вздрогнула.

— Я не ведьма! — закричала она. — Я просто женщина! Обычная женщина!

Но её голос тонул в нарастающем гуле толпы.

И тут из-за поворота показались двое солдат в кожаных куртках с металлическими нашивками. Они шли твёрдым шагом, держа копья наперевес. Один из них, высокий, с жёстким лицом и шрамом над бровью, сразу заметил Кристину. Его взгляд скользнул по её одежде, по лицу, по рукам — и остановился, будто зацепился за что-то.

— Что тут происходит? — рявкнул он, и толпа на мгновение притихла.

— Она ведьма! — выкрикнул пьяный, тыча в Кристину пальцем. — Толкнула меня, будто ветром! И одета странно, и глаза... глаза не наши!

Солдат шагнул к Кристине, не сводя с неё взгляда. Она почувствовала, как подгибаются колени, но заставила себя стоять прямо.

— Я ничего не сделала, — прошептала она, но солдат не слушал.

Он схватил её за запястье — хватка была железной, безжалостной. Кристина вскрикнула, попыталась вырваться, но он только крепче сжал руку.

— Отпустите! — крикнула она. — Вы не понимаете!

Солдат прищурился, вглядываясь в её лицо, в макияж, в каждую деталь, которая делала её чужой.

— Ты не из наших земель, — сказал он медленно, и в его голосе не было ни гнева, ни жалости — только холодная уверенность. — И одета не по-нашему. И ведёшь себя не по-нашему.

— Я из другого места, — выдохнула Кристина. — Я не хотела сюда попадать!

— Именно это и говорят ведьмы, — процедил солдат. — Чтобы отвести глаза.

Толпа снова загудела, и этот гул был уже не испуганным, а злым, жаждущим действия.

— К площади! — приказал солдат, дёргая Кристину за руку. — Пусть Господарь решит, что с ней делать.

Её поволокли по улице, и каждый шаг отдавался в груди глухим стуком. Люди бежали рядом, выкрикивая проклятия, бросая комки грязи, выкрикивая слово, которое теперь звучало как приговор: «Ведьма! Ведьма!»

Площадь оказалась большой, грязной, утопанной тысячами ног. В центре стоял столб, потемневший от времени и копоти. Рядом с ним уже лежали вязанки дров и охапки соломы — будто кто-то знал, что сегодня понадобится костёр.

Кристину толкнули к столбу, и она ударилась плечом о твёрдое дерево. Грубые руки схватили её, сорвали пиджак, начали стягивать руки верёвкой. Она дёргалась, кричала, но верёвки врезались в запястья, стягивали всё туже.

— Нет! — кричала она. — Пожалуйста, нет!

Но никто не слушал. Вокруг уже собирались люди, тащили дрова, кидали солому, подтаскивали вязанки ближе к столбу. Кто-то кричал: «Костёр!», кто-то: «Пусть говорит!», но эти голоса сливались в один общий рёв, который заглушал даже её собственные мысли.

Кристина подняла голову, глядя в серое небо, и вдруг поняла, что плачет. Слезы катились по щекам, смывая макияж, оставляя на коже грязные дорожки.

«Барсик, — подумала она. — Прости меня. Прости, что я ушла и не вернулась».

Она закрыла глаза и начала шептать — не заклинание, не молитву на непонятном языке, а простую, детскую молитву, которую помнила с детства:

— Отче наш, Иже еси на небесех... Да святится имя Твое... Да приидет Царствие Твое...

Слова звучали тихо, почти неслышно среди криков толпы, но Кристина повторяла их снова и снова, цепляясь за них, как за соломинку.

А вокруг всё кружилось: грубые лица, грязные руки, летящая солома, тяжёлые вязанки дров, чьи-то безумные глаза, распахнутые рты, выкрикивающие одно-единственное слово. Она пыталась удержать в голове хоть что-то нормальное: запах кофе в офисе, мурчание Барсика, голос Лены, фиолетовый свет салона — но эти воспоминания рассыпались, как сухие листья под порывом ветра.

Слеза скользнула по щеке, и Кристина не стала её вытирать. Пусть видят, что она плачет. Пусть знают, что она живая, обычная, перепуганная до смерти женщина, а не ведьма. Но в этом мире её слёзы, кажется, только подтверждали вину.

Топот копыт пробился сквозь рёв толпы — тяжёлый, ритмичный, нарастающий. Много копыт — целый отряд мчался к площади.

Глава 4. Площадь и встреча с господарём

Площадь будто выдохнула — и замерла. Не постепенно, не по частям, а разом, как гаснет костёр, если на него вылить ведро ледяной воды. Ещё мгновение назад воздух дрожал от криков, от тяжёлого дыхания толпы, от злого, жадного гула, который нарастал, обещая скорую развязку. «Ведьма! Ведьма!» — выкрикивали люди, швыряя комья грязи, подтаскивая дрова, укладывая солому у подножия столба. Кристина, привязанная к шершавому, потемневшему от времени дереву, вздрагивала от каждого резкого звука, от каждого брошенного слова, от каждого взгляда, в котором не было ни капли жалости. Её руки ныли от туги затянутых верёвок, плечи болели от удара о столб, а по щекам всё ещё катились слёзы, смывая остатки макияжа Алисы и оставляя на коже грязные дорожки.

Она шептала молитву — ту самую, детскую, которую помнила с детства, цепляясь за знакомые слова, как за соломинку. «Отче наш, Иже еси на небесех...» — шептала она, стараясь не слышать криков, не видеть горящих глаз толпы, не чувствовать запаха смолы и соломы, который уже витал в воздухе, обещая скорую смерть. В голове мелькали обрывки нормальной жизни: запах кофе из кофемашины в «ЧистоМире», строгий взгляд дяди Миши на входе, паника Марины из бухгалтерии, смех Лены, фиолетовый свет салона «Лунный свет», тонкие пальцы Алисы, наносящие макияж... Но эти воспоминания рассыпались, как сухие листья под порывом ветра, и на их место приходил только страх — густой, тяжёлый, липкий, сковывающий движения и мысли.

И вдруг сквозь рёв толпы пробился другой звук — тяжёлый, ритмичный, нарастающий. Топот копыт. Много копыт — целый отряд мчался к площади. Сначала это был просто отдалённый гул, похожий на раскат грома, но он быстро становился громче, ближе, неотвратимее. Люди на площади начали оборачиваться, вытягивать шеи, шуриться, пытаясь разглядеть, кто мчится к ним. Крики стали тише, потом превратились в шёпот, потом и вовсе стихли. Даже те, кто швырял грязь, замерли с поднятыми руками, будто их поймали на месте преступления.

А потом всадники появились. Они вылетели на площадь, как чёрная волна, сметающая всё на своём пути. Впереди, на огромном чёрном коне, сидел он — господарь. Кристина увидела его сразу, даже сквозь слёзы и пелену страха. Конь был массивным, мускулистым, с блестящей, словно отполированной шкурой, и двигался так плавно, будто не бежал, а скользил по воздуху. А на нём — мужчина в богатых одеждах, в тёмном плаще, подбитом мехом, с тяжёлой цепью на груди, украшенной камнями. Его лицо было словно высечено из камня — резкие, чёткие черты, высокие скулы, прямой нос, жёсткая линия губ. Глаза — тёмные, почти чёрные, глубокие, как два колодца, в которых можно утонуть. На голове — не корона, но тонкий обруч из тёмного металла, инкрустированный камнями, которые тускло поблёскивали в сером свете дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.